

Анатолий Агарков

**Люди
Падающей
Воды**

*Не к добру
людям исполнение
их желаний.*

(Гераклит)

Анатолий Агарков
Люди Падающей Воды

«Издательские решения»

Агарков А.

Люди Падающей Воды / А. Агарков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905396-1

Давно это было... Жил на свете бог Солнце, и была у него жена — красавица Луна. Жили они дружно, но встречались редко и то лишь в самом начале дня. Были у каждого свои дела, но и семейные не забывали. Родила от Солнца Луна трёх детей — двух сыновей-богатырей и красавицу дочку. Звали братьев Урал и Алтай, а сестру называли Любовью...

ISBN 978-5-44-905396-1

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	16
3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Люди Падающей Воды

Анатолий Агарков

Не к добру людям исполнение их желаний
(Гераклит)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5396-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Давно это было....

Жил на свете бог Солнце, и была у него жена – красавица Луна. Жили они дружно, но встречались редко и то лишь в самом начале дня. Были у каждого свои дела, но и семейные не забывали. Родила от Солнца Луна трёх детей – двух сыновей-богатырей и красавицу дочку. Звали братьев Урал и Алтай, а сестру назвали Любовью.

Выросли детки из колыбели, стало им скучно на небесах. Видят родители – делать нечего, пора выпускать птенцов из гнезда. Подарили им Землю – самое прекрасное рук их творение.

В тенистых рощах здесь пели птицы, рыбы резвились в чистой воде, ветер шумел изумрудной листвою, и облака в голубом небосводе плыли, неспешно меняя формы. Стада многотучные в травах высоких брели к водопою, а на сапфировой глади озёр белые лебеди жизни учили дымчато-серых птенцов. Горы поросшие липой и клёнами вдаль уходили синими волнами. Реки меж ними текли небыстрые, скрывая на дне камни лучистые – самоцветные яшму, берилл, аметист....

На излучине стояла гора, а в ней пещера была – до того чистая и уютная, что небожителям приглянулась она. На белых стенах играли здесь блики отражённых в реке лучей. Ветерок сюда заносил ароматы лесов и полей. Когда гроза грохотала в небе, а по земле бродил ураган, в пещере музыка звучала, как продолжение дивного сна.

Не знали дети Луны и Солнца забот и голода на Земле. Вокруг пещеры в густой траве спели ягоды, а за рекой в вечнозелёном лесу созревали сочные плоды. Им пчёлы мёд оставляли в сотах, белки для них собирали орехи, а грибы приносили ежи. Все животные их любили, в гости с подарками приходили, и с ними их малыши. День-деньской им песни пели соловьи и свиристели. А на заре, когда солнце, прощаясь с дневными заботами, спать уходило за моря, дети его, взявшись за руки, танцевали у костра. Танцевали и при луне, что с любовью смотрела на них с небосклона.

Долго так было....

Но была в горе и нора. В ней проживал отвратительный карлик – кривоносый, горбатый, со включенной гривой и бородой. Был он угрюмым отшельником и питался дохлыми крысами, найденными под землёй. Сварливо ворчал на веселых соседей, кликая на них беду. Прятался, и они не знали, что помешали невесть кому. А звали соседа Бурунша, что значит рождённый во время бурана.

То ли буран помешал его матери, то ли другая случилось беда, но младенец родился со старческим телом – седым, горбатым и бородатым. Нежной любви кормящей матери он не познал, как и вкуса материнского молока – бросили новорожденного собакам, но сука выходила его, как щенка. Не бегал по стойбищу с мальчишками – те лишь дразнили и били его. Был нелюдим и, когда встал на ноги, покинул племя, не ставшее ему родным. Поселился в горе в глубокой норе, душу согревал лишь самоцветами, что находил в реке.

А на досуге вылепил себя из глины и любовался, считая неотразимым.

Однажды увидел кривоногий карлик дочь Луны, купающуюся на заре. Краше всех самоцветов реки ему показалась девушка, вышедшая из воды. Гибкий стан, волнистые волосы и чистое, как луна, лицо. Ноги, как стройные тополя, руки, как упругие ветви ивы, пухлые губки маленького рта и смеющиеся глаза. На бронзовой коже в капельках воды сияли ещё не взошедшего солнца лучи.

Нет на свете прекрасней тебя, решил Бурунша, и страсть воспылала в душе старика. В глубокой норе на ложе своём под покрывалом из крысиных шкур видел он сны (кошмарные сны!), как обладал Любовью. Он грезил, как нежной рукой девушка бороду ему расчесет, тонкие пальцы приласкают горб, и губы прижмутся к губам поцелуем....

Всё! Сил больше нет! Надо услышать признаний ответ.

Но ум изощрённый, не уповая на милость судьбы, к сердцу красавицы путь проторённый подсказал горбуну как найти. На камне, где девушка оставляла одежды свои, он положил изумруд – зеленый самоцвет любви. Сам затаился в кусты.

Чёрной змеёй ночь скользнула с горы, звёзды растаяли в дымке тумана, вспыхнул алой зарёю восток – из-под свода пещеры девушка вышла с улыбкой счастливой. К реке подошла, тронула воду босою ногой и, рассмеявшись, сняла сарафан. Тут на глаза ей попал изумруд. Девушка в руку взяла самоцвет, долго вертела, а солнца-то нет, чтоб насладиться лучами кристалла. В воду вбежала и долго плескалась, радуясь, что так счастливо начался день.

Карлик довольный в кустах ликовал, пожирая красавицу глазами.

В следующий раз он положил на камень топаз.

Увидав самоцвет, девушка приостановилась, окинула взором берег и гору, качнула главою, а затем рассмеялась, одежды сняла и в воду помчалась. Долго купалась, потом кудри сушила, не торопилась надеть сарафан.

Карлик в засаде своей ликовал.

Следующую ночь всю проползал, собирая нектар на ромашковом поле.

Утром на камне в сосуде с нектаром ждал красавицу аметист – самоцвет, заставляющий вспылать любовью к приносящему дары. Девушка выпила осторожно, потом долго сидела, мечтая о суженом, зажав кристалл в кулачке.

Снова горбун собирает нектар, но уже на маковом поле. В кровавый напиток кладёт ярко-красный рубин, поражающий разум и волю.

Девушка выпила, тихо уснула. А из кустов крадётся к ней суженный на кривых, трясущихся от гадкой похоти ногах...

Время прошло, братья заметили, что сестрица их на сносях.

– От кого, – спрашивают, – плод твой? Кого нам выбрала в зятя?

Девушка, потупя взор, отвечала:

– Сон однажды дивный видала – будто ко мне из лазоревой дали ангел примчался на крыльях любви. Был он строен, могуч и прекрасен – я обещала ему сына родить, такого же светлоголикого богатыря.

Братья в чудесный сон не поверили, но пощадили сестру от расспросов. В прелюбодействе стали друг друга подозревать.

– Не ты ли?

– Как можно! Она же сестра.

Договорились, чтоб наказать святотатство, если русоволосым родиться дитя, то с жизнью покончит белокурой Алтай, если волосы будут тёмными, значит, умрёт чернявый Урал. Кровью скрепили братья клятву.

Время подходит. Роды принять спустилась на Землю Луна-мать. Братья сидят у входа в пещеру сумрачные, но спокойные: каждый уверен – ему сегодня не умирать.

Мать вышла с младенцем на руках. Был он горбатеньким, со старческим тельцем, с носом кривым, как сова, а от лица до окровавленного пупка тянулась седая борода.

– Что это? – в ужасе спросила Луна.

– Это плод кровосмешения, – застонал Урал, и взгляд полный ненависти на брата поднял.

– Вот он, наш ангел чудесного сна, – горько усмехнулся Алтай, с палицей наступая на брата.

– Сошли вы с ума! – вскричала Луна. – Где же ты, муж мой? Скорее сюда!

И отлетела на небеса.

На крики и брань вышла не твёрдым шагом роженица.

– Что вы творите? Остановитесь! Одна же мать нас родила.

Попыталась разнять дерущихся братьев и угодила под скрестившиеся палицы. Упала в траву, а братья бьются – гибель сестры им добавила злости. В щепки разбили дубовые палицы, камни кидали, сошлись врукопашную. Пали на землю, скатились с горы. Клубком рычащих, сцепившихся тел угодили в реку. Но и вода их не разлила. Душат и топят, рычат и хрипят, в горло друг другу сцепившись насмерть. Воды сомкнулись.... А когда расступились, два трупа всплыли из глубины – к берегу их течением прибило.

Снова миром дышат окрестности. Тут и солнце взошло....

В ярость пришёл бог Светило небесное при виде погибших детей. Молнию гнева обрушил на Землю, желая её испепелить. Где долины цвели, разверзлись пропасти – хлынул огнедышащий поток, сжигая в прах всё живое и сущее. От удара небесного океаны вышли из берегов и обрушились на землю, сметая всё на своём пути. В безумной схватке сошлись две стихии – низвергающегося огня и бушующей воды. Небо закрыли тучи дыма и пепла, клокочущий пар поглотил облака.

Погибла Земля, рук наших творение, ставшая могилой наших детей, – подумал бог Солнце и отвратил от неё взор. – Пусть же болтается тысячелетия камнем безжизненным в холодном космосе.

И после этого на планете воцарилась нескончаемая зима. Жизнь замерла. То, что было сожжено и затоплено, превратилось в лёд покрытый снегом. Из края в край на всей Земле лишь Жуткий Холод и Белое Безмолвие....

Так продолжалось тысячи лет.

Однажды, встретившись на небосклоне, Луна сказала:

– Смотри, мой милый, Земля остыла – снега без края её покрыли. Найдём ли место, где дети жили?

Взглянул бог Солнце на планету – снега растаяли, льды отступили. Проклюнулась зелень из чёрной земли, леса зашумели, засверкали реки чистой воды. Вернулись птицы и запели, стада пришли на водопой. За ними звериными тропами крались охотники....

Луна сказала:

– Смотри, мой милый, так уже было.

– И будет впредь – пусть жизнь ликует на планете, как радовались ей наши дети. Но спустя полгода придёт зима, и всё умрёт на этом свете – замёрзнут реки, застынут деревья, под снегом скроется трава. Шесть лун будет скорбеть Земля о тех, кто дорог нам и поныне.

Искали осиротевшие родители то место, где дети их прежде жили, но не нашли. После гнева Божьего стала Земля на себя непохожей. Равнины бескрайние смялись горами с шапками белых снегов, которые, тая, родили озеро на высоком плато. Сотни ручьёв его питали, а выбегала одна река. Две скалы берегли её русло, где, низвергаясь с поднебесья, на равнину падала она. Даже когда приходила зима, и льдом покрывалась река, водопад не замерзал, противясь самому лютному холоду.

– Смотри, мой милый, вода не застыла, и две скалы подле неё – наверное, здесь наши дети жили

– Так пусть будет это место самым благословенным на планете.

Сбылось пророчество.

Когда заканчивался траур природы, и тёплые ветры гнали зиму вон, слезился снег под лучами солнца, маревом застилая горизонт. Вскрывались реки и озёра, слепящим блеском приветствуя небеса. И вот уже рождались волны там, где ледяная пустошь была, и, разгоняясь на просторе, набирали мощь, вскипали пенной гривой – без усталости прибрежные камни и камыши. Рыба играла, радуясь солнцу. Птицы вернулись с южного отдыха и сразу же за семейные хлопоты принялись. А меж озёр в замшелых горах липы распустились с клёнами, острый дух разносила сосна. Пчёлы проснулись. В поймы рек вернулись мамонты и такие же лохматые носороги. На склонах гор паслись олени. Бизоны, лошади и сайгаки в степях нахо-

дили корм. Пещерный лев с пещерным медведем, рёвом оглашая окрестности, спорили из-за жилища.

Безумная борьба за жизнь всего живого опять началась!

Вслед за животными в край благословенный ступил разумный человек. Шёл он вооружённый палицей, каменным ножом и копьём с кремневым наконечником, но главным оружием и товарищем был, конечно, огонь – его добывали искрой из камня. Шёл не один, а с целой ватагой таких же охотников и собирателей съедобных корней, ягод и плодов. Охотились на животных всем скопом – загоня стада на обрывистые берега или копая в узких местах западни. Жилища строили из бересты, шкур, веток и травы – однолетние шалаши, потому что были кочевниками и называли себя людьми, выбрав в тотемы животных.

Однажды охотники племени Серых Волков у водопада в горе пустующую пещеру нашли себе – в ней лишь глиняный истукан с фигурой горбатого карлика стоял у стены. Хозяин – решили люди и, поднеся ему дары, попросили разрешения остаться.

Глиняный идол молчал...

Всё лето жило племя в утробе горы вблизи водопада – ловили рыбу, били животных, из шкур которых шили одежду и не забывали каждый раз, возвращаясь с охоты, мазать брюхо истукана кровью, чтобы удача с ними была. Она сопровождала им всегда – в погоне за мамонтом, в охоте на зубра, в поисках пчёл в дуплах. Не повезло лишь одному Шурханше – копытом лось разбил ему ногу. Стал бесполезным он на охоте, сидел в пещере и мастерил каменные ножи.

Когда север дыхнул зимою, и потянулись стада на юг, ему сказали:

– Мы не возьмём тебя с собою, а сам ты не сможешь идти – придётся остаться здесь, Шурханша. Пищи для костра хватит – ты не замёрзнешь, но о своей пище Хозяину пещеры молись.

Племя ушло. В пещере остались искалеченный охотник и мать его, старая Рогоза.

– Мне не дойти в край высокого солнца, – объяснила она. – Буду с тобой здесь умирать.

– Может, попробуешь съедобных корней где-нибудь в поле накопать.

– Что толку? – отвечала мать. – Нам не перезимовать. Закрой глаза и лежи. Чувствуешь, как остывают ноги? Это не страшно, сын мой, усни. Смерть подкрадётся – ты не почувствуешь, как улетит душа в Долину Вечной Охоты, где не бывает голода, где все мы когда-нибудь соберёмся.

– Я чувствую холод, я чувствую голод, я не хочу умирать. Найди мне костыль, я сам попробую пищу добыть.

– Смерть – это мгновение жизни. Был ты в ней мужественным и сильным – что же сейчас щенком заскулил?

– Я не щенок, – возразил охотник. – Я ещё чувствую в себе силы с медведем сразиться и его жизнь отнять.

– Ну-ну, – покачала головой мать. – Иди, накорми собой медведя.

В куче хвороста он нашёл палку годную для костыля. Палицу взял и поковылял на охоту, но остановился у входа – за ним белой от снега лежала земля. Вьюги с метелями там песни пели, где раньше поля зеленели. Голыми стояли деревья. Пусто в округе – ни следов, ни зверья.

– Ты права, – Шурханша вернулся к костру. – Нам не выжить.

Но муки голода не дают покоя – приполз охотник к глиняному истукану и начал молиться:

– О, Хозяин пещеры, помоги! Не дай нам с матерью погибнуть – чудо сотвори. А я тебе, если встану на ноги, каждый день буду брюхо мазать жертвенной кровью ...

Прижался и стал слизывать засохшую кровь с живота глиняного истукана.

Мрак через вход заполз в пещеру – сузил её до маленького круга у костра. В нём спокойно лежала умирающая Рогоза, а рядом метался Шурханша с распухшим коленом. То ли бредил он, то ли грезил – голос услышал под сводом пещеры.

– Своими молитвами ты разбудил меня, охотник, от тысячелетнего сна – теперь я снова Бурунша. Проси чего хочешь.

– Жизни прошу себе и матери.

– Пока живёте, потом умрёте – ничто не вечно под луной.

– Тогда прошу тебя, о, Великий Бурунша, рану мою исцели – всё остальное, если встану на ноги, сам добуду и о тебе не забуду.

– Я могу вернуть тебе силы и здоровье.

– Так что же ты медлишь?

– Ты сам лежишь. Вставай, бери палицу – убей эту женщину и съешь её.

– Это мать моя, о Великий Бурунша!

– Так чего же ты хочешь от меня? Я подсказал тебе путь к спасению. Не нравится – умирай.

Холодом потянуло от входа, Шурханша голову приподнял.

– Мама, ты спишь?

Поднялся и на рубиновые угли положил сухие ветки.

– Сон приснился, будто глиняный идол ожил и со мной говорил. Ты меня слышишь?

Рогоза:

– Слышу пока, но смерть на подходе – ни ног, ни рук не чую уже. Так что идол?

– Спасенье во сне предлагал.

– Ну, так засни и спасайся.

Костёр разгорелся. Шурханша взял пылающую ветвь и подполз к глиняному истукану. Осмотрел фигуру с надеждой найти хоть ещё одну каплю засохшей крови.

– Надо же такому присниться, – сказал сам себе.

А из темноты прилетел ответ:

– Убей, съешь, и ты спасёшься.

– Ладно, пусть будет по-твоему – я её съем, как только она умрёт.

– Убей, крови напейся, – шептала тьма, – в этом твоё исцеление.

А голод на части рвал живот, в колене болью пульсировало сердце.

В руке не факел, в руке палица – и всего лишь чуточку осталось ползти.

– Мама, прости....

Когда закончилась зима и Серые Волки к водопаду вернулись, у входа в пещеру сидел Шурханша – живой, здоровый и невредимый.

– Как же ты выжил? – удивились люди.

– Много молился, и Хозяин пещеры Великий Бурунша меня исцелил.

– А где мать твоя, старая Рогоза?

– Умерла в начале зимы.... Эй, стойте, а вы куда? Эта пещера не для людей. Вы оскверните своим присутствием Святилище Великого Бурунши – он прогневится, и тогда не будет вам счастья в охоте, все от одной болезни умрёте.

– Но ты здесь живёшь. И мы здесь жили прошлым летом.

– Тогда спал Великий Бурунша. Зимой проснулся и мне сказал – я тебя исцелю, будешь Хранителем Святилища и никого сюда не впускай, кроме тех, кто с дарами придёт поклониться.

Чудно, подумали Серые Волки и не решились в пещеру войти, а после охоты дары принесли:

– Помолись за нас Великому Бурунше.

– Я помолюсь – вы принесите пищу огню.

А после молитвы сказал Шурханша:

– В Святилище женщина нужна.

Выбрали самую красивую девушку и отдали Хранителю в услужение – звали её Утренняя Роса.

Так и жили всё лето – племя охотилось и приносило к пещере дары, Шурханша молился, а девушка прислуживала ему.

Пришло время и вслед за стадами Серые Волки откочевали в страну высокого солнца, а Хранитель с Росой в пещере остались. На первое время им хватило запасов, что заготовили летом впрок, а когда реку сковал мороз, Шурханша пошёл и рыбу принёс. Это были дары водопада – падая с водой, она разбивалась об лёд. Потом подкараулил и убил медведя, который тоже питался рыбой. Шкуру его подарил готовящейся стать матерью Росе.

Когда сосульки повисли над входом, раздался крик младенца под сводом – Роса мальчика родила. В ту же ночь к Шурханше Великий Бурунша явился во сне.

– Ты произвёл на свет свою смерть.

– Этот маленький пищащий комок? Чем он может мне угрожать?

– Он вырастет и тебя убьёт – так предначертано судьбой.

– Так что же мне делать?

– Убей и съешь – плоть его продлит твои годы.

– Это же сын мой! – вскричал Шурханша.

– И скоро займёт твоё место в пещере, а ты в его желудке.

За плетёной из ивы циновкой, преграждающей холоду вход, бушевала вьюга. В пещере жарко горел костёр. Роса готовила на нём рыбу. Младенец спал, завёрнутый в шкуры. Хранитель молился.

И вдруг сказал:

– Поддай мне ребёнка.

Роса младенца ему поднесла. Шурханша вытащил его из шкур. Мальчик проснулся, улыбнулся, гугукнул и попытался за нос схватить отца. Ударом каменного ножа Хранитель рассёк ему грудь. Кровь брызнула на живот из обожженной глины. Роса вскрикнула. Шурханша подал ей убитого сына:

– На, приготовь мне еду.

И облизал с ладони кровь.

Наевшись и помолвившись перед сном, Росе сказал:

– Хочешь ребёнка – роди себе дочь.

Когда весной вернулось племя, у входа в пещеру сидел Хранитель.

– Где Утренняя Роса?

– Зимой умерла.

И потребовал себе новую женщину.

Серые Волки жили у реки в самодельных жилищах, ловили рыбу, копали для животных западни, а после, насытившись, у костра веселились. Хранитель с завистью смотрел на них – ему, допущенному к Великому Бурунше, не дело скакать с простыми людьми.

Однажды перед приходом зимы спустился к стойбищу:

– Хозяин пещеры Падающей Воды хочет, чтобы юноши племени пошли к нему в услужение.

– Они погибнут, – возразил вожак. – Как погибли Утренняя Роса и мать твоя, старая Рогоза.

– Они будут жить, как живу я, – сказал Хранитель, – их сохранит Великий Бурунша.

Вожак:

– Послушай, Хранитель, предки наши сюда ходили, ходим мы, ходил и ты. Что изменилось?

– Разве летом вы голодали? Разве женщины племени не рожали? Разве гибли охотники на охоте? Знаю ответ и скажу почему «нет» – Великий Бурунша хранит вас, Серые Волки. Но если вы прогневите Хозяина, ждите беды – западни ваши будут пусты, женщины станут бесплодными, и все вы умрётё голодными.

– Если мы отдадим юношей Великому Бурунше, то через несколько зим не останется и охотников: женщинам не от кого будет рожать – племя начнёт вымирать.

– Как сухой лист осины, трясущийся на ветру, язык твой, вожак, говорит ерунду. Под покровительством Великого Бурунши юноши вырастут в могучих мужей – каждая девушка племени захочет иметь ребёнка от такого семени.

Посоветовавшись, Волки сказали:

– Хорошо, мы дадим тебе юношей, но не всех, а сколько сможешь счесть пальцами рук. За них будешь держать ответ, когда вернёмся весной – за каждого умершего или погибшего пальца своего лишишься.

– Есть пальцы и у моих ног.

Вслед за стадами ушли люди. Двадцать юношей поселились в пещере, в которой жили Шурханша, подаренная ему племенем девушка и глиняный идол – Великий Бурунша.

Когда Хранитель был Серым Волком не было равных ему на охоте. Искусство выслеживать, догонять, убивать юноши от него переняли – от первого снега до ледостава на огне в пещере жарилось мясо, а когда прозрачный мост на реке соединил берега, их рыбой стала кормить Падающая Вода.

Долгими зимними вечерами сидя у костра, Шурханша поучал молодых охотников:

– Волк рвёт оленю горло, чтобы насытиться. Одиноким волк рвёт горло другому волку, чтобы завладеть его волчицей. Потом появляются волчата, которые вырастают, и жизнь повторяется. Хотите вы быть такими, как волки?

– Да! – хором отвечали юноши.

– Глупцы! Вы хотите, чтоб ваши сыновья, окрепнув, горло порвали вам?

– Так что же делать, Хранитель, скажи.

– Запомните, безголовые твари, жизнь даётся один только раз, и все, кто может её отнять – смертельный ваш враг.

– Тогда все вокруг враги?

– Да, если вам не достанет еды. Да, если вы не поделите женщину. Да, если каждый захочет стать вожаком. Но если нечего делить, то нет и повода для вражды – вы проживёте долгую жизнь, если избавитесь от потомков.

– В чреве подруги, – Шурханша указал на выпирающий живот единственной в пещере женщины, – зреет плод от вашего семени. Он родится забавным малышом, будет вас звать отцом и ходить по пятам, перенимая опыт. Но призван он к жизни только затем, чтобы заменить вас под солнцем. Если задержитесь вы, он возьмётся за палицу, скажет: «Отец, прости...». Хотите вы этого?

– Нет! Но что же делать, Хранитель, скажи.

– Придёт срок, я покажу.

Срок подошёл – под сводом пещеры раздался младенческий плач.

Каменный нож достаёт палач.

– Подайте сюда моего будущего врага. О, Великий Бурунша, да прославиться мудрость твоя!

Крик оборвался. Кровь брызнула на живот из обожженной глины. Волчьи клыки впились в тельце младенца.

– Да продлит его плоть годы мои!

Потрясённые юноши молчали, прятали друг от друга глаза. Хмурились...

– Что приуныли? – сытый Хранитель на шкуры прилёг, поглаживая свой живот. – Вам не хватило пищи богов? Не печальтесь, сопли утрите: я нынче добрый – свою женщину вам дарю. Делайте с ней, что хотите, а после убейте и сожрите – кровь, не забудьте, Великому Бурунше.

Видя робость своих воспитанников, насмеялся:

– Вы даже не волки – шакалы трусливые! Ну, кто-то же хочет стать вожаком. Так покажите, на что вы способны. . . .

Несколько теней разом вскочили, а потом всей гурьбой кинулись к роженице. Крик её отразился от свода. . . .

Весной, когда племя Серых Волков пришло к водопаду, все сыновья его, в пещере оставшиеся зимовать, были живы и здоровы.

– Мои пальцы, – усмеялся Хранитель.

Но их было не узнать. На голову выше стали сверстников не только телом, но и душой – вернуться в племя они не хотели, чаще молчали, чем говорили, и девушек избегали, чем любопытство у тех разжигали.

– Они как будто и не Волки, – удивлялся вожак.

– Но замечательные охотники, – хвалил Шурханша. – Может, и других мне отдашь в обучение? Не надоело им кочевать?

Кочевать надоело – пещера манила теплом и уютom, а ещё защитой Великого Бурунши.

Не только юноши, но и охотники зароптали:

– Надо менять нашу жизнь.

– Предки так жили, – возражал вожак, – бескрайние пространства им покорились – негоже нам менять их обычаи. Волки мы Серые или крысы, живущие под землёй?

Но не находил поддержки даже у старых охотников.

Дабы не допустить распри в племени, пришёл к Хранителю за советом.

– Как поступить нам, спроси у Великого Бурунши.

– Я спрошу – подари ему женщину в услужение.

– Каждый год ты берёшь по женщине – что с ними стало, объясни.

– Идем, покажу.

В полумраке пещеры на груди глиняного Бурунши гирляндой три черепа белели.

– Вот они, женщины твои.

Вожак ужаснулся:

– И одна из них та, которая тебя родила? Давно ли ты зверем стал, Шурханша?

– Я – Хранитель святилища, служу Великому Бурунше, и эта жизнь мне по душе. Ты своей жизнью, вожак, доволен?

– Тропою охоты вожу я племя – когда в нём играют сытые дети, я доволен.

– А когда они вырастут, оставят тебя, слабого и больного, в кинutom стойбище помирать, как оставили меня мои жена и сыновья.

– Такова жизнь. Может случиться, не доживу я до старости.

– Так умри же сейчас! – воскликнул Хранитель, и в спину всадил каменный нож вожаку.

Вечером у входа в пещеру жарили мясо на костре и угощали всех, кто пожелал служить Великому Бурунше.

Племя распалось. Многие из Серых Волков ушли в пещеру. В стойбище остались лишь те, кто боялся за своих детей, до которых, говорили, охоч был кровожадный идол.

Ушёл из стойбища Туркан – сын вожака, поклявшийся отомстить Шурханше за убийство отца. Всё лето он искал с ним встречи, но однажды, отчаявшись, вернулся в стойбище со шкурой медведя, в которую попросил охотников его зашить и поднести в дар Хранителю. Но хитрость была раскрыта, а Туркан убит и съеден, ибо привычка насыщаться человеческой плотью становилась обычаем у поклонников Великого Бурунши.

Потом люди пещеры напали на стойбище и всех истребили за коварный дар – так не стало на белом свете племени Серых Волков.

Охотников, что стали жить в пещере у водопада, никто не считал оседлым племенем или кочевым – их просто звали люди Падающей Воды. Ибо племя состоит из родов, род из семей, а у них не было семей, ни рода, ни племени. Они молились каменному истукану, слушались его Хранителя – летом охотились на животных, зимой собирали рыбу на льду у падающей воды. . . .

Словом, жили. Совокуплялись с женщинами, а те рожали. Если на свет появлялся мальчик, его съедал счастливый отец, не забывая помазать кровью своего потомка живот Великому Бурунше. Такой обычай завёл в пещере её Хранитель Шурханша, объявивший, что плоть младенца продляет жизнь его отца.

Но сколь, ни продляй, конец известен – ни старости, ни смерти никому не удавалось избежать. Шурханша говорил, что главней всего на свете – это жизнь, а после смерти ничего не будет. А тому, чего не будет, ничего и не надо. Живи сейчас и всеми силами продляй свою нынешнюю жизнь – о будущем, которого нет, не стоит печалиться.

Охотники с Шурханшой согласились. Взбунтовались женщины – они не хотели отдавать на съедение тех, кому подарили жизнь. Привыкшие безропотно повиноваться, теперь они отказались от семьи и объединились, чтобы детей спасти. В пещере образовалось две враждующие общины – в одной охотники, в другой женщины и дети.

Шурханша пытался их примирить – говорил о племенных традициях, убеждал, что семья основа всего, от лица Великого Бурунши грозил строптивцам бесплодием, болезнями, голодом, но те и не слушали его, а мужчинам объявили бойкот.

Всегда так было: мужчина охотится, а женщина его в жилище ждёт – готовит пищу, выделывает шкуры и из них одежды шьёт. Вернувшегося обогреет, накормит и приласкает, когда ночь придёт. Взять женщину силой – позор для мужчины. Всегда так было, а нынче всё наоборот.

Мужчины тоже объявили бойкот – лишили мяса вторую общину и совокуплялись меж собой. Женщины нашли пропитание в поле, лесу, на берегу реки, а над мужеложством смеялись. Но дети рождались. . . . И мальчики не погибали у живота Великого Бурунши, потому что не знали, кто их отцы. Ибо так устроены сыны Адама – видеть в другом мужчине не врага, так соперника. Родившегося от неизвестно кого малыша не трогали – питали надежду, что смерть подрастает не для него.

Бойкот бойкотом, но жизнь продолжалась, и парочки тайком встречались и расставались, встречаясь с другими. Чтобы мужчины не знали, от кого будущая мать вынашивает плод, женщины стали совокупляться со всеми, кого удавалось завлечь. В ход пошли слова и украшения, а также женская природная красота и дикая мужская сила. Искусство обольщения передавалось по наследству – от матери к дочери.

Летом целыми днями дочери Евы в реке купались, загорали и прихорашивались – делали причёски, татуировки, красили ногти, подводили глаза. Плели веночки из цветочков, делали бусы из ягод рябины – всё для того, чтобы завлечь мужчину.

Зимой в пещере гуртовались, рожали детей и мужчин пугали:

– Ой, гляньте, как на папку похож!

А охотники делали свои дела – загоняли зверя, ловили рыбу, отбивали набеги вороватых соседей; и женские – готовили пищу, выделывали шкуры, поддерживали в пещере огонь. И ещё уговаривали строптивца, разделить с ними ложе и сына родить. Завлекали подарками – изысканной пищей, дублёнными шкурами, бусами из самоцветных камней, костяными гребнями и даже. . . . цветы не стыдились подносить.

Избранницы принимали дары, делили ложе, а после возвращались в свою общину. Если обиженный мужчина возмущался, женщина тут же заводила флирт с другим охотником и со-

рила их между собой. Дело завершалось кровавой дракой, а то и убийством одного из незадачливых кавалеров.

Мужчины тоже не лыком шиты – собирали всё ценное и шли на торги в кочующие племена, чтобы у них себе жён купить. И покупали, и жили семейно, до первого жертвоприношения – то есть, до рождения сына. А потом всё повторялось – жёны сбегали от них в общину, ибо, какая же мать согласится ребёнка своего людоеду отдать.

Борьба эта шла с переменным успехом, но когда дочери Евы открыли рецепт пьянящего напитка, мужчины были наголову разбиты – никто из них не смог устоять. Ни женская красота, ни природный инстинкт, так не пленяли охотников, как полная чаша веселящего зелья. Как ни пытался Хранитель его запретить, был он неистребим – женщины его готовили, а мужчины пили и становились ручными, ибо страсть к пьянящему напитку превращала охотников в рабов.

Когда после удачной охоты и сытной трапезы мужчины ложились отдыхать, женщины им подносили чаши с веселящим напитком – между общинами наступало Великое Перемирие. В пещере начиналось веселье – игры, песни, пляски у костра.

А потом были оргии совокуплений.

Шли годы... Менялись Хранители. Бурунша по грудь увяз в черепах. Мужчины пристрастились к пьянству. Женщины погрязли в трясине блуда.

Давно это было....

2

Умолк Хранитель, закрыл глаза.

Заснул, подумал Харка, но остался сидеть в прежней позе – скрестив ноги у изголовья старика. Почему он выбрал меня? Этот вопрос задавал себе юноша без конца, но не находил ответа. Он не был потомком Серых Волков – коротконогих сутулых охотников с грязно-русыми волосами. Харка был плечист и строен, высок – даже выше иных мужчин в свои юные годы. Волосы у него были цвета земли, что скрывается под дерном, глаза зелёные, как у рыси Глаи, прирученной Суконжи, лицо открытое, лоб высок – как и у самого Хранителя.

Харка не был рождён в пещере – его принёс водопад, однажды, в корзине плетёной, куда он попал сразу из чрева матери – об этом свидетельствовал ещё не засохший пупок.

– Какой хорошенький! – умилились женщины и чуть было не передрались за право его кормить.

Когда подросток и начал понимать, Харка стал искать свою мать, но ему сказали:

– Тебя родила Падающая Вода.

Наверное там, откуда низвергается поток, живут люди его племени – там его мать. Когда вырасту, я к ней вернусь – думал Харка, но пока готовился стать охотником людей Падающей Воды.

Хранитель не раз его подзывал, подолгу беседовал, поучал, а однажды объявил в пещере, что выбрал себе приемника.

Почему же меня? – думал Харка, глядя на умолкшего старика.

Говорили, что сам Хранитель из пришлых – однажды спустился с гор, откуда падает вода. Он был уж немолод и очень умён – многому научил людей пещеры. Наверное, за это уходящий в долину вечной охоты Хранитель выбрал его себе в приемники. Теперь он сам умирал...

Перед Харкой лежал морщинистый, седогривый старик с лицом цвета прокаленной глины, с узловатыми руками и большими чёрными, будто перепачканными в саже, ладонями. Он прерывисто дышал – грудь вздымалась и опадала толчками, будто сердце её колыhalo.

Наверное, страшно умирать, думал Харка. Пройдёт череда лет, и будет он вот так же лежать, с хрипотцой дышать, подпрыгивая конечностями. И Великий Бурунша не сможет вернуть то, что было – ум, силу и... Нет, ума у Хранителя не отнять – слово скажет, как из камня вырубят, взглянет, как насквозь...

Хранитель открыл глаза.

– Ты ещё здесь? Ступай, не мешай мне спать – я устал, всё тебе рассказал, а ночью последние таинства открою. Научу тебя Великого Буруншу вызывать – представлю, как нового Хранителя. А потом ты сможешь мне уйти в долину вечной охоты, ибо двух посвящённых быть в пещере не может. Кости мои сожжёте в костре....

Этот обычай ввёл он сам, сказав после Откровения, что повелел Бурунша очистить пещеру от черепов, заваливших его по самую кривоносную голову.

– Теперь ступай....

Харка поднялся. Когда Хранитель общается с Великим Буруншой, из пещеры удаляются все, даже роженицы во время схваток – ибо таинство доступно одному только Посвящённому. И тебя унесут, подумал Харка о безногом Туоле, царапающим камнем стену. Ступни ему отгрызла лисица ещё в младенчестве, умом природа обделила, не подарив способностей к какому-нибудь ремеслу – вот и стучит он камнем в стену, как дятел клювом по дереву, или царапает, будто крыса в норе скребётся.

Харка представил себя Хранителем пещеры.

– Чем занят, Туол?

Калека голову в плечи втянул:

– Мешаю?

– Хранитель уснул. Ну-ка, ну-ка, что это у тебя тут?

На плоской базальтовой стене просматривался силуэт....

– Это мамонт, который попал в западню в позапрошлом году. Помнишь? Тот, со сломанным бивнем....

– Его ещё звали вожаком и боялись за буйство?

– Да-да, это он.

– Смотри-ка... А ты как узнал?

– Охотники говорили.

– Да-а, много он дров наломал прежде, чем навсегда успокоился.

– А вот, иди-ка за мной, – опираясь на руки, калека поволок своё тело вдоль стены. –

Сюда посмотри.

Харка увидел силуэт человека, лежащего у ног бизона, в шее которого торчал дротик.

– Что это?

– Смерть Нио, весной погибшего под копытом бизона. Он был моим другом.

– А там?

– Носорог, упавший в западню. Но это сделали до меня. И ещё....

Харка прошёлся вдоль плоской стены.

– Какие-то люди, круги Тоже о чём-то рассказ?

– Это легенда нашей пещеры. Здесь жили божества ещё до Великого Бурунши....

– Да тише ты – Хранителя разбудишь. А что это у тебя на груди?

– Это маленький Бурунша – его слепил из глины Лам и подарил мне амулетом.

– Лам Многорукий?

– Да. Где-то в овраге у реки его гончарная мастерская.

Харка медленно прошёлся вдоль стены с насечёнными изображениями, на которые раньше не обращал внимания.

– Когда стану Хранителем, ты будешь питаться со мной, и никто не посмеет тебя обидеть.

А сейчас отдохни – не тревожь сон уходящего Хранителя.

Туол кивнул.

Лёгкое постукивание в другом конце пещеры привлекло внимание юноши.

Дул, старик с покатыми плечами и непропорционально большими руками, сидел на корточках у небольшого костерка, сложенного между камнями, и помешивал палочкой варево в глиняном сосуде. Харка потянул носом.

– Уха?

Дул, не оглядываясь, помотал седой и косматой головой.

– Клей из рыбьих костей.

– Для чего?

Старик оглянулся и окинул Харку оценивающим взглядом.

– Знаешь, кто я? Лук есть? Вставай в очередь ко мне за стрелами.

– Ты стрелочник Дул. Все говорят, что они бьют у тебя без промаха.

– Хочешь пойти ко мне в ученики, будущий Хранитель Великого Бурунши?

– Долго придётся учиться, – Харка присел, склонив голову, наблюдая за руками мастера. – Я бы послушал.

– Рассказывать, оно, конечно, быстро, да толку-то нет – надо руками всё пощупать, умом понять, а вы, молодёжь.... Эх! – Дул махнул рукой. – Видишь, вокруг сколько учеников – отбоя нет.

Старик положил на палец готовую стрелу – качнувшись, она уравнилась.

– Видишь, ровно три четверти здесь, – он указал на хвостовую часть с оперением, – а четверть у наконечника. Такая стрела поднимается вверх, пожирая расстояние до цели, а потом, падая, разгоняется и бьёт наповал без промаха.

Дул положил стрелу и вновь стал мешать вареву.

– Наконечники льёт Суконжи – красные из зелёного камня. Я клею оперенье. И ещё... – старик подмигнул приемнику Хранителя. – Мой главный секрет – древки стрел не из цельного дерева. Я их склеиваю из четырёх четвертинок, которые не кривит время. Потом скребу до идеально круглой формы и балансирую. Не замечал? – нет прямых копий. Их древки сгибают от прямизны холод и сырость, жара и время. Моим стрелам износа нет – не потеряешь, век твой прослужат.

– Дарю, – Дул протянул готовую стрелу.

Харка помотал головой:

– У меня и лука нет.

Всякий раз, выходя из сумрака пещеры, Харка останавливался – ждал, пока глаза привыкнут к яркому свету, потом смотрел на водопад, с рёвом низвергающийся из поднебесья. Над ним рождались облака, скрывая вершины двух скал, стражами стоящими по бокам. Над самой водой полукружье радуги венчало выход из страны гор.

Там моя мама, там мой народ, – бросал Харка мысленный вызов седым вершинам. – Туда я однажды заберусь!

За входом в пещеру зелёный луг пестрел цветами до песчаного берега. Там женщины загорали и купались, присматривая за карапузами, плескавшимися на мелководье.

– Эй, Харка! Харка, иди сюда, – слышались крики. – Ты, говорят, дальше всех ныряешь – покажи, как руками в воде загребаешь.

Хранитель учил – избегай женщин, не пей напитков, дурманящих голову; не поймай блуду – когда время придёт, выбери себе подругу и прикажи ей с тобой навсегда остаться.

Харка шёл мимо, но Агда, самая бойкая и красивая, заступила ему путь. На ней была набедренная повязка из шкуры белой козы. Ожерелье из плоских ракушек чуть прикрывало крутые груди. Пышную гриву роскошных волос венчал веночек из красных роз. Белые зубы игриво покусывали стебелёк, а в раскосых глазах лучились хитринки.

– О, Харка, какой ты красивый! Ты уже вырос в настоящего мужчину, а помнишь, когда был маленьким карапузом, я позволяла тебе трогать мою грудь. Тогда ты хотел на мне жениться. Хочешь, я рожу тебе сына?

– Ты стара для меня, – приемник Хранителя знал, как отбиться.

– Вот, поганец! Слышите, выдры – нами гнушаются. Ну, я тебе этого не прошу.

– Оставь его, Агда, – советовали женщины, – пусть идёт по своим делам, ведь он приемник Хранителя и тебе не по зубам.

– Ну, нет уж! – строптивица топнула босою ногой. – Никуда он не денется. Эй, Эола, иди-ка сюда, стань со мной рядом, а ты, Харка, смотри – если глаза у тебя мужчины, если сердце твоё не остыло рядом со старым Хранителем.

Подошла и встала рядом с Агдой хрупкая девушка, потупя взор и склонив голову – густые волосы закрыли её лицо.

– Смотри, Харка, – женщина откинула за спину русые пряди и подняла ей подбородок, – это судьба твоя: Эолу мы бережём для тебя. Станешь Хранителем, возьми её в жёны и докажи, если мужества хватит, что сыноёдам Любовь не убить.

Черты нежные девичьего лица, и ночной черноты глаза под опухшими ресниц. Эолу он заметил давно – замирал, если рядом шла, в спину смотрел, провожая взглядом. А каким бешенством закипала душа, если кто-нибудь из мужчин приглашал её ложе с ним разделить. И, должно быть, не стало для женщин секретом внимание юноши к девичьей красоте.

– Говори, Харка, если язык не прилип к гортани – возьмёшь ли ты в жёны нашу Эолу, будешь ли отцом её детей, не вонзишь ли зубы свои в тело рождённого ею для тебя сына? Что молчишь, приемник Хранителя – мысли худые затаил?

Харка помотал головой.

– Тогда клянись, – Агда соединила их ладони.

Ощувив прикосновение желанной руки, юноша затрепетал – от жара, волной пробежавшего по телу, выступила испарина на лбу.

– Я, клянусь, – тихо сказал.

– Теперь иди, Харка, и знай: станешь Хранителем – Эола твоя.

Через пару шагов юноша обернулся:

– Эола, я иду к Многорукому Ламу за глиняной фигуркой Бурунши – хочешь, и тебе попрошу.

Девушка кивнула головой.

За песчаным пляжем, где река делает поворот, ивы склонились у самого берега. Всё лето в землянке здесь живёт Бель – лучший из тех, кто умеет выделывать шкуры. И сейчас две лисьих шкурки, шуба медведя и кафтан кабана на солнце сушились. Сам дубильщик, малорослый и юркий, лицом похожий на сурка, лежал у костра, помешивая палкой угли. Два мальчугана, перепачканные поблёскивающей на солнце чешуёй, слюдяными скребками чистили щуку больше себя.

– Убил острогой, – похвастался Бель подошедшему Харке. – Новой, с наконечником Суконжи.

Приемник Хранителя покачал головой:

– Смотри, какие у неё большие зубы.

– Да, если бы не острога, то потрошила она меня. Садись – сейчас будем печь.

Харка присел:

– Я иду к Многорукому Ламу.

– Кусок зажуёшь и ему отнесёшь – скажешь, Бель поклонился.

И мальчишкам:

– Эй, а ну хватит скоблить – тащите её сюда.

Мальчики волоком по траве, ухватив за жабры, подтащили рыбину к костру.

Бель достал из кожаных ножен медный нож, сверкнувший багряным отливом на солнце.

Похвастал:

– Подарок Суконжи.

И принялся резать щуку на части. Сам говорил:

– Смотрю, гребень торчит из воды, а там мелководье – шкуры дубятся. Схватил за край – она тянет свой. Вот наглая попалась! Кричу пацанам: острогу тащите! А потом как жажну за головой – весь наконечник до самого древка. Но перед смертью ещё побрыкалась – два раза сбивала меня хвостом. Вот чудище досталось! Шкуры мои хотела украсть – наверное, за добычу приняла.

Под углями прогоревшего костра обнаружился плоский камень – с шипением на него ложились белые от жира щучьи куски.

Бель:

– Сейчас будут готовы.

Поев, дубильщик поманил Харку к реке:

– Пойдём, покажу.

У берега на мелководье, притопленные камнями к песчаному дну, лежали две оленье шкуры. Мелкие рыбы и рачки сновали по ним, объедая мездру.

– И весь секрет? – удивился Харка.

Бель подмигнул:

– А ты как думал! От таких скребков будут они мягче тины.

Мальчишки, объевшиеся жареной рыбой, спали в траве, выставив солнцу и мухам вздувшиеся животы.

– Идём в землянку, – Бель предложил. – Там прохладней.

Харка:

– Нет, я в овраг к Многорукому Ламу.

Бель:

– Тогда прихвати ещё кусок для Суконжи – скажи, подарок от меня.

– Может, вместе сходим?

Дубильщик покачал головой:

– Нельзя. Помощники мои уснули – кому-то надо шкуры стеречь.

И, зевнув, нырнул в землянку.

За дубовой рощей, где Харка вспугнул семью кабанов с полосатыми поросятами, глубокий овраг, как шрам на щеке, развалил косогор. Ручей по дну стремился к реке. Пологий склон был изрыт углублениями. Одновременно в двух кострах кривоносый, смуглый, будто подкопченный, плавильщик Суконжи поддерживал жизнь. Ростом он был невелик, но крепко сбит, на Харкин вопрос ответил:

– Тот, что дымит без огня, готовит пищу для другого костра, который жарко горит без дыма.

Обложенные дерном дрова чадили. В другом месте из камней обмазанных глиной был сложен очаг, в котором без дыма сиреневым пламенем горели чёрные угли. Суконжи на корточках сидел перед ним и шкуркой, натянутой на рогатую, как опахалом, загонял внутрь воздух.

– А где твоя рысь? – осмотрелся Харка.

– С Гзамом в лес подались. Ну, и подручный у меня! Нет чтоб угли в лесу нажигать, он дрова сюда таскает. За рыбу спасибо. А ты бы пошёл ко мне, Харка, в помощники?

– Давай помогу.

В очаге под огнём стоял глиняный сосуд, закрытый глиняной крышкой.

– Думаешь, уха? – усмехнулся плавильщик. – Ага, уха из золотого петуха. Сейчас будем есть.

Он подтащил большой глиняный круг, на котором узенькая канавка будто змея свернулась спиралью.

– Ну, Харка, помогай.

Суконжи столкнул крышку с сосуда, под его выпирающие бока сунул медную рогатину, насаженную на древко.

– Держи, но не торопись поднимать – одному не поднять.

Таковую же рогатину подсунил под сосуд с другой стороны очага.

– Ну, разом взяли, подняли, понесли... Теперь медленно наклоняем.

Из-под серой накипи струя сверкающего металла хлынула в спираль на глиняной плите и вскоре всю её заполнила.

– Немножко ещё осталось, не рассчитал, – посетовал Суконжи. – Ну, ничего, не пропадёт, пригодится на следующий раз. А, впрочем... Харка, у тебя ненаглядная есть? Сейчас мы кое-чего для неё сварганим.

Плавильщик приготовил плиту с канавкой маленького кольца.

– Ну, Харка, ещё раз поднимем, наклоним и самую малость плеснём.

Присел Суконжи, любуясь на свою работу.

– Золото – красивейший из металлов, все женщины без ума от него. А вот из этой сверкающей змейки получится несколько нашейных украшений.

Потом сказал, обращаясь к Харке:

– А это кольцо – будет подарком для твоей любимой. В него бы камень самоцветный вставить – девушка этой же ночью твоею станет.

Однажды, в реке купаясь, Харка нашёл зелёный кристалл, полный загадочного блеска.

– Это изумруд, – сказал Хранитель. – Тебе он не нужен – оставь его Бурунше, или девушке подари любимой.

Самоцвет Харка спрятал – Божеству пожалел, а Эоле отдать постеснялся.

– Я сейчас, – приемник Хранителя с места сорвался и быстрее ветра из оврага помчался.

Вернулся, когда Суконжи с толстым и неповоротливым Гзамом заливали водой тлеющий костёр.

– Теперь разгреб и расколи на небольшие куски, – поучал плавильщик помощника, – ну, ты знаешь как – я показывал.

Харка присел на корточки, дожидаясь, когда Суконжи обратит на него внимание. Крупная рысь, подкравшись, прыгнула ему на спину. Приемник Хранителя, упал навзничь, кувыркнулся, освободившись от зверя, и вооружившись медной рогатиной погнался за ним. Рысь в три лёгких прыжка выскочила из оврага, и вот уже её треугольная голова показалась на фоне голубого неба – зелёные, перевёрнутые глаза с азартом следили за юным охотником. Харка погрозил ей рогатиной. Потом присел на корточки у плавильни и, изогнувшись, провёл ладонью по лопаткам.

– Что за дикая тварь! – ворчал приемник, слизывая с пальцев кровь. – Лишь бы царапаться.

Рысь уже у него за спиной и шершавым языком облизывала кровоточащие следы своих когтей. Харка прикрыл глаза, млея от удовольствия.

– Слышь, Суконжи, стану Хранителем прикажу тебе её убить.

Летом, когда полно еды, мальчишки, охотники, женщины тащат в пещеру всё, что поймают – зайчат, лисят, волчат, медвежат... Маленькие, они легко привыкают, но не все выживают зимой – только те, кто сбегает на волю, ибо в пещере их ждёт огонь и желудки хозяев. Прирученного и подросшего рысёнка перед наступлением холодов Суконжи унёс в лес, а он весной вернулся. Вот уже несколько лет дружат они – плавильщик и, ставшая уже матёрой пятнистая кошка, зимующая в лесу. К Харке рысь тоже привязалась, но дружба их больше на соперничество походила – ещё с тех времён, когда маленькому котёнку он щекотал живот, доводя его до злобного шипения.

– Слышь, Суконжи, стану Хранителем прикажу тебе её убить.

– Она перестанет на тебя бросаться, если ты перестанешь обзывать.

– А как к ней обращаться – Глая?

– Глаей звали мою жену, – омрачился плавильщик.

– Скажи, Суконжи, а у тебя сыновья были? – задал Харка давно мучивший его вопрос.

Плавильщик покосился на туповатого Гзама и, усмехнувшись, кивнул головой на рысь:

– Ага, только она прячет их где-то в лесу.

Выковырнул уже остывшее колечко из глиняной доски, положил на ладонь:

– Меняю жизнь пятнистой кошки на золотое украшение. Камень принёс?

Примерил изумруд к кольцу.

– Чуть-чуть маловат. Сейчас приладим – будет держаться, как влитой. Смотри, приемник Хранителя, какую штуку я придумал.

Суконжи достал из ниши приспособление из обожженной глины. На вертикальной стенке пристроил только что отлитое кольцо, поместил в него кристалл изумруда. Взял в руки медный колпачок с двумя трубочками.

– Гзам, уголёк поярче!

Когда помощник положил перед колечком рубиновый уголёк, Суконжи быстро накрыл его колпачком и дунул в одну из трубок – из другой синеватый язычок пламени лизнул кольцо.

– Вот так, – плавильщик подмигнул Харке, – делаются украшения.

Осторожно медным шилом подцепил его.

– Смотри, камень твой уже держится. Но этого мало.

Дунул в трубочку ещё три раза, поворачивая кольцо. Когда остывшее изделие оказалось на ладони Харки, он увидел, что внутри него четыре золотые лапы держат самоцвет.

– Ну, приемник, таким подарком любую девушку покоришь.

Юноша расчувствовался:

– Я хотел для неё попросить глиняный амулет у Многорукого Лама.

– А теперь не стоит к нему и ходить, – закончил фразу улыбающийся Суконжи.

– Надо зайти – рыбу от Беля ему занести.

Попрощавшись с плавильщиком и его учеником, Харка погрозил кошке пятнистой кулаком:

– У, дикая тварь, я тебе всё припомню!

В том же овраге вниз по течению ручья была и гончарная мастерская Многорукого Лама. Пока мастер перепачканными в глине руками запихивал в рот куски жареной рыбы, Харка осматривал его хозяйство. Яма для замешивания глины, сосуды сохнувшие на солнце, печь для их обжига, а вот и совсем уже готовые....

– А это что?

– Сейчас расскажу, – шамкал набитым ртом мастер.

– Я вот думаю, – Харка присел, дожидаясь когда Лам управится с едой, – ты здесь, Суконжи там.... Не лучше ли вам рядом поставить свои печи?

Мастер был высок и сутул, со впалой грудью, но большими и крепкими руками. Управившись с едой, облизал рыбий жир с жёлтых от глины пальцев. Ворчал:

– Вот работа – некогда и поесть. Слышишь, приемник – станешь Хранителем, дашь мне помощников штук пять или шесть.

На Харкин вопрос:

– Видишь ли, Суконжи там поставил свою печь, где находит зелёные камни, а моя глина здесь....

Сел на скамеечку у приспособления на треноге, заинтересовавшее будущего Хранителя.

– Это, Харка, гончарный круг. Подай-ка мне глины кусок.

Юноша присел на корточки у ямы, слепил в ладонях ком и бухнул его на круглый стол перед Ламом. Мастер помял серую массу пальцами.

– Суховата. Плесни-ка водички.

Харка зачерпнул берестяным туеском из ручья и подал его Ламу.

– Годится!

Заработали волосатые ноги, вращая нижний большой круг, и маленький верхний закрутился.

– Смотри, Харка, как это просто.

Сильные ладони гончара начали поднимать из глиняной массы стенку будущего сосуда.

– Хочешь попробовать?

Харка покачал головой. Было б здорово, но в другой раз – сердце сейчас рвалось к любимой!

Мастер смирился:

– Ну, посиди ещё со мной – скучно одному.

– А я теперь понял, – кивнул Харка на мельтешащие ноги Лама, – почему зовут тебя Многоруким.

– Верно подметил! – рассмеялся мастер.

– Безногий Туол показывал амулет, что ты подарил. Не найдётся ли ещё одного такого?

Гончар растерянно огляделся.

– Нет, Харка, готовых нет, но для тебя сделаю – сегодня вылеплю, завтра просохнет, на следующий день обожгу....

Харка поднялся:

– Тогда я через два дня приду.

Мастер кивнул, прощаясь.

Юноша пошёл к реке руслом ручья, а в спину прилетело:

– Что там от охотников слышать? Не намечается ли большого пира?

– Тебя не забудут здесь, Лам, – пообещал Харка.

Там, где ручей в реку впадал ещё один мастер устроил свой стан – Глям изготавливал здесь краски.

– Привет тебе, приемник Хранителя, – поднялся и даже шагнул навстречу пёстрый от разноцветных пятен мужчина.

– И ты один, – посетовал Харка.

– Все, кто выходят из бабьей общины, мечтают охотниками стать. Мастером, Харка, надо родиться, а лоботрясы мне не нужны.

– А кто заменит умельцев, уходящих в долину вечной охоты? Кто меткие стрелы будет делать, когда не станет Дула? Кто металл будет плавить багряный, как на закате солнце? Кто краски такие сумеет сделать, какие делаешь ты, Глям?

– Да, хотя бы ты. Это не сложно, Харка, смотри.... Белую краску намешиваем из белой глины, чёрную из углей костра. Коричневую варим из этого камня. Гуще цвет нужен, делаем так – поварим, покрошим, поварим, покрошим.... Если оттенки какие ищешь, добавляй обыкновенные цветы – жёлтый от одуванчиков, красный от маков.... Чтобы краска долговечной была и водой не смывалась, добавляй жир рыб или животных. Никогда не потускнеет цвет, если растопишь в ней сосновую смолу. Всё понял?

Харка кивнул:

– Понял – тебе помощник нужен.

Глям на четвереньках вполз под навес из бизоньей шкуры. Вернулся с ракушкой чёрной краски.

– На, девушке своей подари или женщине, какую хочешь.... Этим раствором чернят они брови и за него будут к тебе весьма благосклонны. А мне уж.... они ни к чему.

– Нет, Глям, не возьму – незачем девушке моей красками брови пачкать. А подарок у меня уже есть – смотри, что сделал для неё Суконжи.

На ладони сверкнуло кольцо изумрудом.

Жизнь на пляже дышала ленью, праздностью.... и настороженностью.

Давно ещё, когда женщины насмерть бились с сыноедами за своих детей, в их общине образовалась дружина из самых сильных и самых смелых матерей. Пусть не так, как мужчины, они владели палицей, копьем или топором, но в стрельбе из лука им не было равных. Сыны Адама больше на силу свою надеялись, а дочери Евы оттачивали мастерство, и довели его до совершенства – их стрелы разили наповал с любого расстояния. Пока мужчина натягивал лук, чтобы пустить стрелу, женщина успевала сделать это три раза, не зная при этом промаха. Лучницы даже отрезали себе правую грудь, которая мешала спускать тетиву. Они ходили на охоту, кормили мясом свою общину, и близко не подпускать мужчин к карапузам тоже была их забота.

И сейчас на пляже женщины расположились полукругом, в центре которого копошились малыши. Вряд ли кто-нибудь из мужчин отважится в него войти. Юноша знал, что звание приемника, да и сам титул Хранителя Великого Бурунши не спасут от стрелы, если приблизиться к карапузам. Так уж обычаи сложились....

Странные обычаи, думал Харка, приближаясь к этому кругу. Женщины любят детей, мужчины их боятся и ненавидят, как свою смерть, и верят, что плоть родного сына продлит им

жизнь. Казалось бы, непримиримые враги. Но тем не менее, они встречаются, совокупаются, чтоб зародилась новая жизнь, за которой одни охотятся, а другие защищают. Так изо дня в день, годами, поколениями....

Но бывают удивительные исключения. Когда в западню падает мамонт, или туда носорог угодит, стадо ли степное оказывается в загоне, в пещере тогда наступает Великое Примирение. Горят костры, жиром шипя, на вертелах готовится мясо, и чаши с веселящим напитком расходятся по рукам. Люди поют, люди пляшут – забыты ненависть и распри. Груднички ползают у ног охотников, и повсюду совокупаются парочки. Даже одногрудые фурии находят себе кавалеров в этих неистовых оргиях. Никто не похищает детей, чтобы их съесть, никто их не охраняет. Будто с ума все сходят!

Может, злой рок тяготеет над людьми Падающей Воды? Может, Великий Бурунша проклял их на такое существование? Сегодня Харка всё узнает. А потом он должен убить Хранителя – ибо двух Посвящённых не бывает. Новым Хранителем станет Харка, а старого зажарят на костре, и запеченную голову поднесут ему. Харка пробьёт в ней дырочку и высосет мозги.... Таков обычай.

От отвращения к предстоящему Харку передёрнуло – захотелось кинуться в реку и утопиться....

– Стой, Харка, ты куда?

Юноша вздрогнул, остановился и вдруг увидел себя в кругу среди загорающих женщин. Возможно, сделай ещё два шага.... Возможно окрик старухи спас его от стрелы одногрудой.

Он поднял раскрытую ладонь, показывая золотое кольцо.

– Мне Эола нужна – я принёс ей подарок.

– Эола! Эй, Эола! – раздались крики. – Харка принёс тебе украшение.

Девушка подошла с опущенными на лицо волосами.

Харка протянул ей кольцо на ладони.

– Я так спешил, что забыл про шнурок – его на шею надо повесить. Тебе нравится?

Девушка откинула назад русые локоны и встряхнула головой, рассыпав кудри по спине. В чёрных очах заискрились радость и любопытство.

– Какое красивое!

– Вот это да! – их окружили восхищённые женщины.

Девушка растерянно взглянула на них:

– Мне его взять?

– Бери, глупая!

– А потом?

– А потом пойдёшь с ним в кусты и будешь делать всё, что он скажет.

– Дай сюда! – цапнула кольцо с Харкиной ладони подскочившая Агда.

Просунула в щель между изумрудом и его золотым обрамлением шнурок из медвежьего сухожилия, примерила так, чтобы кольцо висело у Эолы между хорошеньких грудей и завязала узелок под её волосами. Объявила:

– Наша Эола сосватана! Харка, бери её руку, веди за собой.

Приемник Хранителя не спешил – нежно приподнял подбородок девушке и заглянул в бездонную черноту очей.

– Ты мне должна поклясться, что я буду единственным у тебя отныне и навсегда.

Разом смолкли вокруг разговоры, упала гнетущая тишина – все напряжённо ждали, что скажет Эола, ведь зарождался новый обычай среди людей Падающей Воды. Утром Харка поклялся, что не будет есть её сыновей, теперь черед девушки....

– Я клянусь, – прошелестели пухлые губки.

– Клятвопреступник умрёт! – озвучила Агда всеобщее мнение.

Напряжение спало. Женщины заговорили, засуетились, оттеснили Эолу от Харки, рассматривая украшение. Юноша терпеливо ждал.

Вдруг колыхнулась тревога по пляжу, и несколько дружинниц выхватили из-под песка свои смертоносные луки. Заплакали дети, женщины бросились к ребятишкам.

Неподалёку группа охотников, вооружённых копьями, пробежала в сторону леса. Едва мужчины скрылись за деревьями, стайка юношей показалась. Они бежали, они кричали:

– В западню за топями у Гнилого болота попал носорог!

Носорог! Носорог! Женщины от радости заплясали, побрасывая вверх визжащих от восторга ребятишек. Носорог! Грядёт Великое Примирение! Надо готовить веселящий напиток. А ну, красавицы, за дело!

Юноши кричали:

– Харка! Харка! Айда с нами!

– У меня нет с собой и копья, – приемник пытался увидеть Эолу.

– Держи моё – у меня ещё палица.

Юноши, увлекая Харку, вихрем пронеслись по-над берегом и скрылись в лесу.

Потомки Серых Волков они могли бежать сутками, не останавливаясь отдохнуть. Известен случай в пещере, когда охотник бежал с известием четыре дня и ночи, упал на входе, сказав три слова, прежде, чем умереть:

– Будет Великое Примирение!

Длинноногий Харка легко бежал с копьем в руке – влёт охотничий пыл и времени было уйма в запасе: с наступлением темноты ему надо быть в пещере. Так приказал Хранитель. Гнилое болото – это не близко, но и не так уж далеко. Он успеет добежать и вернуться – взглянуть на упавшего в западню носорога. С ним ещё немало возни – достать, разделать и принести. Может быть, только к завтрашнему вечеру вернутся охотники с добычей. Он к тому времени станет Хранителем.

Топями называли мёртвый лес, когда выросший на торфянике. Скелеты белых берёз и чёрных осин, от кустарников нет и следа, а под ногами мягкий ворс пожелтевшего моха – вот что такое топи. А дальше болото. Между ними узкая полоска твёрдой земли, ставшая тропой кочующих животных. Здесь вырыли западню, и, наконец, она сработала.

Всё оказалось не так, как казалось. Охотники прятались за сухими деревьями, а на твёрдой земле страшный неведомый зверь поглощал их добычу. Стоя у западни, он опускал туда голову и рвал куски мяса из тела носорога огромной пастью с зубами больше, чем Харкина голова. Глубокие складки на длинной шее, но ещё глубже на животе.

Бездонное брюхо, подумал Харка, такому и носорога будет мало.

А охотники восклицали:

– Дух Болот! Дух Болот!

– Носорог его вызвал своим рёвом. Теперь не уйдёт, пока не сожрёт.

– Надо попробовать огнём его отпугнуть.

Связали факелы, подожгли. Несколько охотников, размахивая ими, рискнули ближе подойти. Но Дух болота только рыкнул, качнулся в их сторону на трёхпалых ногах, и смельчаков будто ветром сдуло. От оброненных в мох факелов потянуло дымом.

– Может, он прогонит, – решила часть охотников. – Будем ждать.

– Ждите, если сами не сгорите, – сказали другие, – а мы возвращаемся. После этого чудища там уже нечего будет нести.

Харка под впечатлением увиденного брёл некоторое время в веренице охотников, а потом побежал – время поджимало.

3

Солнце скрылось за горизонт, позолотив подбрюшья облаков, когда Харка вошёл в пещеру. Атмосфера в ней дышала тревогой, это он почувствовал сразу – приглушённые звуки, минимум движений и какая-то растерянность на лицах. Что-то произошло, пока он отсутствовал.

Приемник шёл к шкуре белого бизона у ног глиняного Бурунши – обычное место Хранителя, а люди поднимались из своих углов и собирались в толпу за его спиной. Эта молчаливая процессия смешала вместе извечных врагов, мужчин и женщин, теперь оставивших без присмотра детей – такое случается редко.

Хранитель лежал на шкуре бизона прямой, как копьё, устремив неподвижное лицо в каменный свод пещеры. Одного взгляда было достаточно понять, что душа последнего Посвящённого в том далёком краю, где никогда не бывает зимы, где никогда не заходит солнце – в Долине Вечной Охоты. Остались люди Падающей Воды без покровительства Великого Бурунши. Что может непосвящённый приемник?

Харка опустил колени на белую шкуру – скорбь, жалость к старику, страх за то, что он теперь единственный в ответе за судьбы людей, схватили его душу.

Харка застонал, и народ за его спиной застонал тоже.

Харка качнулся, закрыв ладонями лицо, и люди за его спиной, будто камыш на ветру, закачались из стороны в сторону.

Харка упал лицом в белый ворс, а в пещере началось светопреставление. Женщины стонали и выли, рвали на себе волосы. Мужчины рычали и плясали, потрясая оружием, танец смерти. Ребятишки визжали от ужаса....

Великое горе пришло к народу Падающей Воды.

Лишь к полуночи, попадав в изнеможении, все успокоились.

Харка поднялся:

– Оставьте меня одного – буду молить Великого Буруншу вернуть нам своё покровительство. Буду молить ушедшего вернуться и свершить обряд Посвящения. Я сделаю всё, чтобы в пещере был Покровитель.

– Хоу! – сказали люди и вышли.

Харка остался один.

Вновь, как и утром, сидел он у изголовья старика, теперь уже навсегда умолкшего. Одна только ночь у него есть, чтобы силой разума или волей случая постичь тайну, ставшую недоступной – на молитвы приемник не уповал. Молись, не молись, на карту поставлена его жизнь – милость божества должна быть возвращена народу любой ценой. Он должен либо стать Хранителем, либо уйти за ним – на то он и приемник.

Как переменчива судьба! Днём ещё безоблачной была – будущее сулило счастье, звучали клятвы, радовала перспектива.... А теперь осталась последняя ночь у изголовья умершего старика. Она пройдёт – солнце взойдёт, песни запоют птицы. Стада придут на водопой, охотники подстерегут добычу. Всё будет идти своим чередом, только Харки уже не будет. Дул будет делать стрелы, Лам лепить горшки, а Суконжи всех задарит сверкающими украшениями. Эола будет рожать детей невесть от кого, как и её подруги, или отрежет себе грудь и в руки возьмёт лук охотницы. Только Харки уже не будет. Безногий Туол выстучит на стене его гордый профиль....

Приемник взглянул на старческое лицо с заострившимся профилем – о, Хранитель, лучше бы ты не заметил меня. Ну, что ты нашёл во мне такого, чего не обнаружил в остальных? Чем я привлек твое внимание – цветом глаз или волос, ростом, силою, умом? Да, я быстрее всех бегаю, да, я дальше всех ныряю, да, я схватываю на лету то, что знающие говорят, но, при-

знаюсь тебе сейчас – в Буруншу я не верю. Будь я рождён под сводом пещеры, будь я потомком Серых Волков, тогда, может быть, кровь моих предков привила к истукану любовь. Но меня принесла Падающая Вода оттуда, где рождается сама, где на крутых утёсах гнездятся горные орлы, где люди гордые живут. Почему же их сын должен кланяться истукану с длинным носом, кривыми ногами и круглым толстым животом? Скажи, о, Хранитель....

Приемник коснулся холодной ладони умершего старика – может быть, неспроста ты ушёл, не открыв мне тайны Посвящения. Ну, какой из меня Хранитель глиняного Божества – ты этого не понял, мой учитель, но поняла твоя душа, вовремя покинув брненное тело. Всё, что случилось, случилось к лучшему – мне не придётся, храня традиции, дырывать твой запеченный череп, высасывая мозги....

Вопли за выходом из пещеры отвлекли Харку от его мыслей.

Что там? Должно быть, охотники вернулись от Гнилого болота с вестью, что носорога нет и Великого Примирения не будет – ещё одна немилость божества привела народ в исступление. Несчастные люди! Харка во что бы то ни стало должен помочь им...

Приемник перебрался к глиняному истукану, встал на колени, приложил к его животу ладони и притиснулся лбом.

Как там рассказывал Хранитель про первого посвящённого Шурханшу? Тот, умирая с голоду, слизал жертвенную кровь с глиняного живота, и Великий Бурунша очнулся от сна – так свершилось Посвящение.

Харка, преодолевая отвращение, коснулся языком осклизлого живота.

Ничего не произошло. Тихо в пещере.

Но ведь не слизывать же ему всю засохшую кровь – это сделал бы до него последний Хранитель. Какую-то тайну он унёс, оставив Харку непосвящённым. Что же он хотел сказать? Может быть, то, что никакого Хозяина нет, что вера людей поддерживается силой воображения Хранителя?

Легенда гласит, что Буруншу разбудил Шурханша. А не сошёл ли с ума голодный охотник – мать свою съел, потом сына, потом мать своего сына.... Искалеченная нога? Нога зажила сама – такое бывает. Но сумасшедший Шурханша сумел убедить людей, что его исцелил Бурунша, и назначил Хранителем.

С этого безумца и началось в пещере безумие – отцы пожирали своих детей, женщины убежали из семей, перестали работать и взялись за оружие. Хранители хранили эти традиции. И Харки была уготована та же участь, но провидение вмешалось, до срока забрав Посвящённого. Быть может, ему предоставлена честь изгнать из пещеры Безумие ценой своей жизни.

Казалось бы, просто – скажи, что общался с Буруншой, и ты станешь Хранителем того, которого нет, получишь безраздельную власть над людьми. Но потом придётся всю жизнь выкручиваться и лгать, а то и сына сожрать, рождённого для тебя Эолой. Попробуй, разубеди народ, прожившего так не одно поколение – пожалуй, на то не хватит власти и авторитета Посвящённого.

Чтобы людям помочь избавиться от безумия, надо лишить пещеру самого Хранителя. Без него вера забудется – к мужчинам вернётся чадолобие и ответственность за тех, кого произвели на свет, кто закроет им очи на смертной шкуре. Женщины сожгут свои луки в костре – станут тихими и покорными, какими должны быть в семье. Безумие кончится, и начнутся свадьбы....

Харка вздохнул обречённо – приемник выбирает смерть.

Вместе с пасмурным утром в пещеру вошли хмурые люди.

Харка поднялся с белой шкуры.

– Было мне Откровение, Люди Падающей Воды – Великий Бурунша сказал, что покидает вас навсегда. Выберите себе вожака, слушайте советы стариков и живите своим умом – такова его последняя воля. Посвящённых в пещере больше не будет – я уйду вслед за Хранителем. Сделайте мне знак Обречённого.

– Хоу! – сказали люди, задавленные горем.

Вновь собрались у белой шкуры, когда появился в пещере Глям. Он выплеснул приемнику на грудь белую краску из половинки панциря большой черепахи.

Харка сказал:

– Люди Падающей Воды, на закате солнца сожгите меня вместе с телом последнего Хранителя на костре перед входом в пещеру.

– Хоу! – воскликнули люди, услышав волю последнего Посвящённого.

– Да будут в пещере мир и согласие.

– Хоу!

– А теперь оставьте меня в покое.

– Хоу! – сказали люди и разошлись.

Снова приемник на белой шкуре у изголовья умершего старика. Только теперь он Обречённый – жить ему осталось... Впрочем, кого винить – сам пожелал. Он мог бы стать Хранителем, повелевать людьми, Эолу в жёны взять... и сожрать её сына. Нет, пусть вместе с ним умрут в пещере кровавые обычаи, и кончится власть толстопузого Бурунши.

Харка закрыл глаза...

– Спишь, Обречённый?

Агда стояла в трёх шагах, покусывая стебелёк, оставив в сторону стройную ногу и уперев руку в бок.

– Зачем пришла?

– Тебя увидеть. Привет от Эолы передать.

– А где она сама? Что не идёт проститься?

– Твоей последней просьбы боится, а я не боюсь и готова любить даже Обречённого, если страх смерти не помешает ему быть мужчиной.

Харка усмехнулся горько:

– Зачем тебе это?

– А вот! Хочу, чтобы сын мой был на тебя похожим.

– Ты пробуждаешь во мне силы, но мне бы хотелось Эолу увидеть. Свидетельница наших клятв, уговори её прийти или передай, что я любил её, люблю и буду любить даже тогда, когда душа моя вместе с дымом отправится на небеса.

Агда капризно поджала губы.

– Я, Харка, чем хуже её?

– Ты, Агда, всех превзошла, но для любви чистота нужна – это главная красота женщины.

– Вот поганец! – Агда добродушно рассмеялась. – Ладно, попробую уговорить твою чистую, но трусливую.

Эола подошла, прикрыв лицо кудрями.

– Прости, Харка, я не могу тебе дать то, что ты хочешь.

Юноша согласно кивнул:

– Я понимаю, печать Обречённого... Но поцеловать ты меня можешь?

Эола кивнула, опустила колени на белую шкуру, откинула волосы от лица и зажмурила глаза. Обречённый макнул палец в белую краску на своей груди и провёл по девичьей – от основания до самого соска. Эола отпрянула.

– Что ты делаешь? Она же не смоеется!

– Этот знак моей любви будет тебя хранить. Если кто-нибудь захочет причинить тебе зло, так и скажи – у меня на груди знак сожженного Обречённого – жди страшной мести от него.

– О, Харка, как же ты мог? Этот твой знак теперь можно удалить разве только вместе с грудью. Но она же левая – мне придётся безгрудой стать, если захочу я в охотницы.

– Не удаляй. Верь мне – всё будет хорошо.

– О, Харка, Харка, зачем ты сделал меня несчастной?

Эола убежала, испугавшись Гляма.

Краскотёр потыкал пальцем в Харкину грудь:

– Ещё не просохла? Знаешь, только что придумал ей название – милость Бурунши. Как думаешь, подойдёт?

Харка усмехнулся.

– Нарасхват пойдёт – всем нужна милость того, которого уже нет и никогда не будет.

– Я готовил её из белой глины, добавив немного волчьего жира и пихтовой смолы. Чуешь, как пахнет? – Глям притиснулся носом к Харкиной груди и зашептал. – Доведётся с Ним встретиться там, попроси для меня....

– Месторождение белой глины, волчьего жира или пихтовой смолы?

– Силы мужской. Бабы ходят ко мне табунами за красками для красоты, готовы на всё, а я..., – краскотёр прищипнул языком.

Взор Обречённого посуровел:

– Младенцев ел?

– Говорили, продляют жизнь.

– Вот и живи.

– Так радости нет.

– Ступай, – Харка закрыл глаза. – Силы твои ушли в обмен на долголетие.

– Так если б я знал.... – Глям горестно махнул разноцветной рукой и прочь пошагал.

Явился Многорукий Лам.

– Ты тоже с просьбой?

– Поговорить пришёл. А впрочем, да, конечно, хочу попросить – раз ты последний Посвящённый....

Харка поправил:

– До заката.

.... дай мне помощников – я обучу их гончарному делу.

– Толково. Но у меня другая мысль – лето для охоты, пусть юноши сейчас постигают навыки пищу добывать, а горшки учиться лепить можно зимой в пещере. Ты сюда глины ната McKay – как опадёт листва, и все стада откочуют в края высокого солнца, в помощниках тебе недостатка не будет. И приглядишься – кто поспорившей, летом в овраг с собой заберешь.

– Верно мыслишь. Какой бы из тебя вышел Хранитель! Ты, Харка, видишь жизнь не так, как все – не зря же был выбран приемником.

– А ты как видишь её, Лам Многорукий?

– Восход – закат, зима и лето, рождение – жизнь – смерть.... Примерно так.

– А для чего всё это?

– Кто знает? Наверное, Бурунша....

– А самому постичь?

– Тут голова нужна Хранителя.

– А ты под ним? Удобно. Ответь мне, Лам, любил ли ты женщину когда-то всей душой, которая сгорала в огне нетерпеливой страсти – к ней бегал на свидания, томился, ждал и обнимал в безудержном порыве?

– Конечно, Харка, ведь я – мужчина.

– А она тебя любила?

– Говорила, что любит меня единственного....

– А потом?

– По рукам пошла....

– Почему же она так поступила?

– Потому что женщины все такие!

– А может, она твоего спасала сына – ты не подумал?

Лам задумался.

– Ты смог бы, Лам, защитить её и своего ребёнка?

– Если только покинуть пещеру, но зимой это верная смерть.

– Женщины спасли детей, объединившись.

– Но я-то мужчина!

– Трусливый.

– Что ты, Харка, от меня хочешь?

– Чтобы ты думал, как тебе жить?

– Для этого есть Хранитель.

– Ты хотел сказать, был. Теперь тебе, Лам, самому решать, как жить – сам ты себе Хранитель.

– Ты, Харка, в своём уме?

Обречённый улыбнулся и кивнул.

– Ты им восхищался. Послушай совета последнего Посвящённого, Многорукий Лам – выбери женщину, нарожай детей, а если на твою семью посмеет кто-нибудь посягнуть, возьми палицу, разбей ему голову и будь настоящим мужчиной.

– Знаешь, я бы свою разбил, чтобы ты остался у нас Хранителем.

– А я отдаю жизнь свою, чтобы не было в пещере Хранителей.

– Как тебя понимать?

– Поймешь, когда к груди младенца прижмешь, которого защитишь, накормишь, вырастишь и обучишь гончарному делу.

– О, Харка, неужто такое возможно?

– Теперь да!

– О, Харка! Ты настоящий Хранитель... пещеры.

Ушёл гончар, терзаемый мыслями, а Обречённый светлел и креп душой – смерть ему казалась подвигом, совершённым ради людей.

Пришёл проститься Суконжи – медный топор, насаженный на полированную рукоять, к Харкиным ногам положил.

– Прими подарок.

Харка лишь покосился на оружие.

– Прекрасная работа! Ты хочешь, чтобы я с ним в огонь вошёл? Ручка сгорит, топор расплавится – нет, не возьму, Суконжи. Но попрошу после сожжения пепел собрать и бросить в реку – пусть мой прах унесёт вода, как однажды сюда принесла живым.

Плавильщик тяжело вздохнул. Харка продолжил.

– Мне рассказывал умерший Хранитель, что прежде люди Падающей Воды звались Серыми Волками и кочевали вслед за стадами. Они не пожирали своих мертвецов, а закапывали вместе с оружием и верили, что в Долине Вечной Охоты им не придётся голодать. Сыты ли души съеденных в пещере, как думаешь, Суконжи?

Плавильщик молчал. Харка спросил.

– Кому нужен этот обычай пожирать умерших и родившихся?

Хрипло сказал Суконжи одно слово:

– Бурунше.

– Или безумцу, вкусившему однажды родную плоть. Посмотри вокруг себя, Суконжи – охотники добывают мясо, ты делаешь им ножи, Лам пятками вращает круг... Причём здесь Бурунша? Что заставляет верить в глиняного истукана? Молчишь? Я скажу – Хранитель.

– Харка, ты сам Посвящённый.

– Тебе откроюсь – я соврал.

– Зачем?

– Чтобы перестали люди в пещере пожирать покойников и младенцев.

- Ты не боишься гнева Хозяина?
- Я не боюсь даже костра. А Бурунши не было никогда и никогда не будет – его придумал, увидев идола, один сумасшедший, назвавшись Хранителем. С него и началось безумие....
- Суконжи, потупившись на свой топор, тихо произнёс:
- Харка, если Хозяина нет, зачем ты идёшь на костёр?
- Чтобы убить веру людей в толстобрюхого истукана.
- А может быть....
- Нет. Если бы это сказал всем, меня просто убили. Потом бы нашёлся хитрец, заявивший, что ему Откровение было – уснувший Бурунша проснулся и назвал его Хранителем. Ничего бы не изменилось. Теперь люди поверили, что Бурунши уже нет, и будут думать, как дальше жить.
- Но кому нужна твоя жертва?
- Последний Посвящённый должен умереть, чтобы сомнений ни у кого не осталось.
- О, Харка, если ты не сошёл с ума, то, наверное, сойду я. Как же мы будем без веры?
- Верь в себя.
- Суконжи, помолчав:
- Может, однако, так случиться, что хитрец, которого ты боишься, всё-таки объявится в пещере.
- Может, но я потому и открылся, что надеюсь на твою помощь.
- Чем я могу тебе помочь?
- Не мне, а себе и людям. Надо глиняный идол разбить и выкинуть из пещеры, чтобы не появился хитрец.
- Верно, но как это сделать?
- Тайком. В открытую, поймав настроение людей. Не знаю как, но надо.
- Я тебе, Харка, в этом клянусь.
- Тогда заberi свой подарок – он тебе больше пригодится.
- Плавильщик ушёл.
- Харка думал о нём – я не ошибся, есть среди мужчин Падающей Воды толковые люди. С них и начнётся зарождение добрых обычаев. Вот ещё Дул....
- Стрелочник подошёл. Харка кивнул ему – садись рядом на белую шкуру.
- Дул покачал головой и присел на усыпанный каменной крошкой пол – шкура бизона для Хранителей.
- Ты в отчаянии, стрелочник Дул, что пещеру покинул Хозяин?
- Я, как все.
- Скажи, своё ремесло ты постиг сам, научил Хранитель, или Бурунша открыл, явившись во сне, мастерства секреты?
- Всё в пещере по воле Хозяина.
- Как же ты дальше будешь жить, ведь Он ушёл.
- А ты, Харка, не ошибся?
- Харка бы мог и приемник тоже, но уста Посвящённого волю Хозяина огласили. Ты сомневаешься?
- Признаться, да.
- И гнев Бурунши тебя не страшит?
- Зачем бояться того, кто ушёл?
- Не боишься, что вернётся?
- Вернётся – буду бояться.
- Харка улыбнулся.
- Горазд же ты, мастер, говорить.
- Потом помолчал и спросил:

- Ты хотел бы вернуть Буруншу?
- Конечно, чтобы успокоились люди.
- Без него у тебя стрелы скривятся? У Многорукого Лама отнимутся ноги? В печь упадёт Суконжи?
- Охотники считают, что в западне носорога съел разгневанный Бурунша.
- Да будь же он проклят, лишивший людей Великого Примирения.
- Харка, ты что говоришь?!
- То же, что ему сказал на Откровении – твои обычаи нам не подходят, покинь пещеру, оставь в покое людей.
- Ты верно сошёл с ума!
- Я безумие изгнал из пещеры!
- Оба, распалившись, замолчали. Но Дул сидел, не уходил. Хороший знак, подумал Харка и продолжил:
- Люди, оставленные Буруншой, забудут его обычаи, и воцарится в пещере покой. Надо только немного помочь им в это смутное время.
- А ты уходишь, – горько сказал Дул.
- Я уйду с Буруншой подмышкой и тебя попрошу помочь, Суконжи, разбить его идола, чтобы память о нём выветрилась у людей.
- Харка, когда ты всё это задумал?
- Стрелочник Дул, разве тебе нравится пожирать людей?
- Охотники верят, что от плоти съеденных к ним переходят сила и ловкость.
- А от младенцев?
- Жизнь.
- И ты в это веришь?
- Я как все.
- Когда на пальце качалась стрела, я восхищался твоей мудростью. Что же теперь затмило тебя? Скажи, ты искренне веришь в Хозяина?
- Я не хочу смуты в пещере....
- Уже легче. Что же ты хочешь?
- Порядка хочу.
- При котором каждый знает, что будет съеден, когда настанет срок?
- Дул плечами пожал. Харка продолжил.
- И каждый младенец едва родившись рискует быть съеденным собственным отцом?
- Да, это было, но мы живём. А без Хранителя может такое случиться, что каждый возьмётся за топор, и кровь польётся рекой – может так стать, что в пещере не останется никого.
- С чего бы это?
- Всем нужна власть, оброненная Посвящённым.
- Неужто? Не знал. И тебе нужна власть? Ты тоже возьмёшься за топор?
- Только в том случае, если женщины будут побеждать.
- Считаешь, что и они захотят править в пещере?
- В первую очередь они.
- Зачем?
- Чтобы завести свои обычаи, унижающие мужчин. Так что, Харка, пока не поздно, верни людям веру в Буруншу.
- И это говоришь мне ты – мудрейший из мудрых!
- Да, Харка, я. Кстати, ты можешь остаться Хранителем – зачем тебе умирать, но обычаи обязан будешь соблюдать.
- Очень мне жаль, стрелочник Дул, что мы не поняли друг друга. Я видел в тебе друга, а ты уходишь врагом.

– Это ты уходишь, сея в пещере раздор и панику.

– А я верю в благоразумие людей. Пусть льётся кровь, жаждущих власти, но с победителем придёт порядок – люди начнут хоронить мертвецов и перестанут пожирать младенцев.

– Вот как! Ну, что ж, пойду делать лук – стрелы теперь самому пригодятся.

Ушёл Дул, оставив Харке смятение. Неужто он что-то не предусмотрел? Неужто правда то, что охотницы натянут луки, и рекой польётся в пещере кровь?

Обречённый думал, после его смерти люди поскорбят немного, выберут вождя и будут жить семейно, забыв прежние распри. Но власть, власть действительно лакомый кусок. Что она даёт человеку? Возможность работать не руками, а головой? Харка так думал, а теперь понял – это возможность видеть согбенные спины соплеменников. Пожалуй, за власть иные охотники будут не против свару затеять и убивать.

Но всех опасней, конечно, женщины – они организованы, вооружены, стрелы их бьют без промаха. Захотят ли они покориться мужчинам? Вот о чём Харка не подумал, свергая Буруншу. Ему казалось, что мужчины, побузив или миром, решат вопрос, кто править будет, какие порядки заведёт. Без Хранителя мужчины захотят иметь детей, а женщины в семьи вернуться – ведь им природой суждено хранительницами быть домашних очагов.

Но стрелочник прав – женщины, взбунтовавшись, могут перебить многих мужчин, а тех, кто останется, или юношей поставят на колени у своих ног. За время безумия в пещере и противостояния полов не мало, должно быть, зла скопилась в их алчущих любви сердцах. Вот о чём Харка не подумал!

Красота и нежность, материнская ласка – это в семьях, под защитой мужчин. А женщины у власти – это глупость, это роскошь (баловство, богатство, шик), это праздность и безделье, это безумие, в конце концов. Вот о чём Харка думал теперь.

Явился Бель к нему с подарком – утку запеченную в глине принёс.

– Поешь, Обречённый.

Харка кивнул, но к еде не притронулся.

– У тебя есть любимая женщина, шкурных дел мастер?

– Зачем одна? – дубильщик чиркнул ребром ладони по горлу. – Мне их во как хватает.

– Дул говорит, в пещере будет смута – женщины поднимутся на мужчин. Ты готов с ними драться?

– Зачем? Мне и в землянке хорошо.

– А зимой?

– Зимой вернусь в пещеру.

– Женщинам ступни лизать?

– Да хоть бы и так. Впрочем, что они могут без нас? Жрать? Спать? На солнцепёке валяться? Даже не смогут рожать!

– А убивать? Их стрелы не знают промаха.

– Зачем им меня убивать?

– Так значит, тебе без разницы, кто будет править в пещере?

– Абсолютно. Моё дело шкуры дубить.

– А не хотел бы ты иметь семью, нянчить детей, ласкать жену?

– Дак кто же не хочет?

– А если победившие женщины заставят тебя целый день работать, еды дадут ровно столько, чтобы ты не умер с голоду, а ночью ещё отдадут в чьи-то руки. Как тебе эта перспектива, мастер Бель?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.